

УДК 902.69(571.150)

Н.Ф. Степанова

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ БОЛЬШЕМЫССКОЙ КУЛЬТУРЫ*

В статье рассматриваются проблемы хронологии большемысской культуры, которую принято относить к энеолиту. Памятники этой культуры имеют широкий ареал распространения: Барнаульско-Бийское Приобье, Горный Алтай (Нижняя Катунь), верховья р. Алей и Северная Кулунда. Однако хронологические границы ее четко не определены, что связано с небольшим количеством радиоуглеродных дат и отсутствием надежных данных для датирования на основании относительных аналогий. Калибровка дат из погребений могильника Большой Мыс и Нижнетыткескенской пещеры-I показала значительных разброс между ними. Анализ керамических комплексов поселения Новоильинка-III из Северной Кулунды выявил признаки взаимодействия кипринско-пеньковской и большемысской групп населения. Контакты прослеживаются в орнаментации керамики предметом, оставляющим отпечатки, похожие на оттиски пера птиц, и в добавлении в формовочные массы пуха птиц. Калибровка радиоуглеродных дат с Новоильинки-III показала, что все они включают XXXIV–XXIX вв. до н.э. На основании полученных данных нижнюю границу датировки большемысской культуры предварительно можно определить 2-й половиной IV тыс. до н.э.

Ключевые слова: большемысская культура, Алтай, керамика, орнамент, радиоуглеродное датирование

DOI: 10.14258/tpai(2020)4(32).-11

Введение

Большемысская культура была выделена Ю.Ф. Кирюшиным [1986, с. 14–16; 2002] в 1986 г. и отнесена к энеолиту. Для выделения культуры послужили материалы поселений и нескольких погребений могильников Большой Мыс, Костенкова Избушка и Фирсово-XI [Кирюшин, 2002, с. 16]. Необходимо отметить, что в погребениях не найдено керамики, которая, как правило, является одним из связующих звеньев между поселенческими и погребальными комплексами. Это оставляет возможность для сомнений: относить памятники к одной культуре или считать их разнокультурными. В то же время керамика является одной из основных «визитных карточек» этой культуры.

Памятники большемысской культуры занимают огромную территорию. Они известны в Барнаульско-Бийском Приобье, в Горном Алтае, в верховьях р. Алей, в Кулундинской степи [Кирюшин, 2002, с. 38, рис. 1]. Это разные природно-географические районы (лесостепной, степной, горный и предгорный Алтай). Однако на всей этой территории найдена керамика, которая имеет свои характерные признаки и легко узнаваема. Внешне очень похожие сосуды находят в местах, удаленных друг от друга на сотни километров. Отличают большемысскую керамику от керамики других культур прежде всего инструменты, которыми наносился орнамент, из-за особенностей их рабочего края получались оригинальные отпечатки (рис. 1). Некоторые из оттисков до сих пор не удалось полностью воспроизвести экспериментальным путем (рис. 1.-1, 2). Другой отличительный признак большемысской керамики – частицы слюды на поверхности сосудов (рис. 1.-2, 4, 5).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и Средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

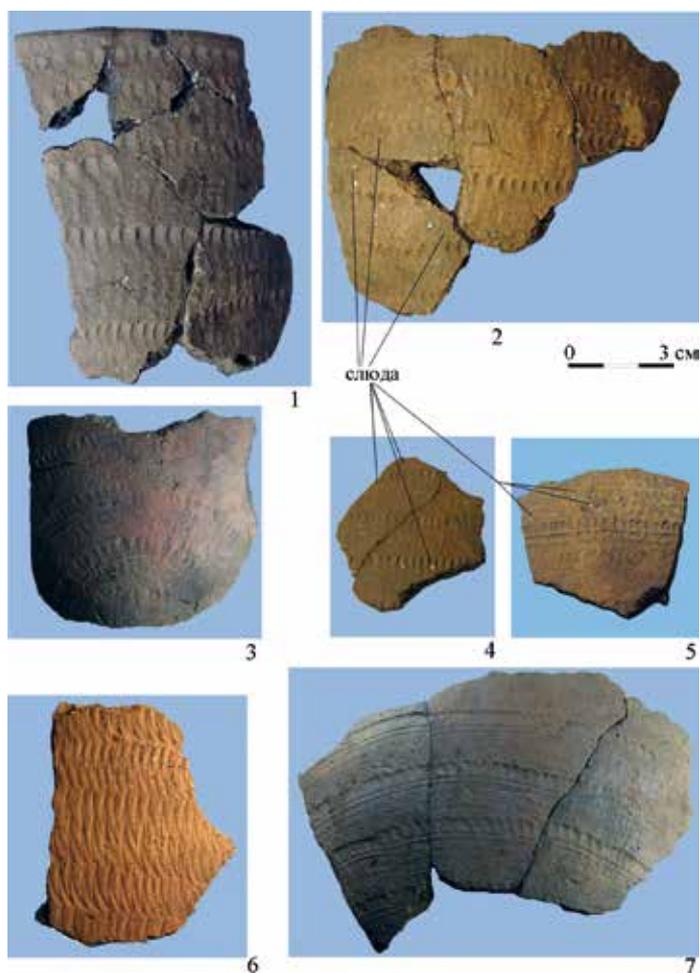

Рис. 1. Большемысская керамика с поселений: Малый Дуган (1, 2), Комарово (3, 6, 7), Костенкова Избушка (5)

ной на изученных памятниках. Дискуссий о культурно-хронологической принадлежности по поводу этого типа керамики не возникает. В данной работе также основное внимание связано с памятниками, на которых найдена керамика 1-го типа.

Датировка большинства археологических культур обычно основана на относительных аналогиях и радиоуглеродных датах. В последние годы значительно возрос интерес к радиоуглеродному датированию и для большинства культур получены десятки новых дат. Большемысская культура является исключением. В настоящее время радиоуглеродные даты имеются по могильнику Большой Мыс, который относят к большемысской культуре. Это три даты: 5930 ± 135 (СОАН-5603), 5890 ± 145 (СОАН-5604), 5485 ± 120 (СОАН-5605) [Кунгурова, 2005, с. 57, табл. 4]. Калибровка, выполненная в программе OxCal 4.3.2 с использованием калибровочной кривой Int Cal13 с вероятностью 95,4%*,

* Здесь и далее калибровки выполнены А.В. Поляковым, которому автор выражает благодарность за оказанную помощь.

Материалы и методы исследований

Одной из актуальнейших в изучении большемысской культуры остается проблема ее хронологии, от решения этой проблемы зависит и решение других вопросов, связанных как с этой культурой, так и с рядом других. Ю.Ф. Кирюшин [2002, с. 35] определил датировку энеолитических памятников Барнаульско-Бийского Приобья 2-й половиной IV – III тыс. до н.э. Он выделяет три типа керамики, которые могут быть отнесены к большемысской культуре. По его мнению, керамику 1-го и 2-го типов следует отнести ко 2-й половине III тыс. до н.э., но до рубежа III–II тыс. до н.э. эта посуда не доживает [Кирюшин, 2002, с. 32]. Как правило, в публикациях по большемысской культуре, рассматривается 1-й тип керамики, наиболее широко представлен-

устанавливает, что время смерти людей укладывается в период от 5207 до 4000 г. до н.э. Разрыв между датами огромный, но все они включают 46 в. до н.э. (рис. 2).

К большемысской культуре было отнесено и погребение из Нижнетыткескенской пещеры-1, в котором также не обнаружено керамики [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]. Известно пять радиоуглеродных дат, полученных по кусочкам угля со дна очага над погребением и из заполнения погребения: 1) 5170 ± 40 лет (СО АН – 2925); 2) 5440 ± 105 лет (СО АН – 2926); 3) 5050 ± 45 лет (СО АН – 2927); 4) 5380 ± 175 лет (СО АН – 2928) и 5) 5075 ± 35 лет (СО АН – 2929). Калибровка дат выполнена в программе OxCal 4.2.4 с использованием калибровочной кривой Int Cal13. Из рисунка видно, что две даты имеют широкий диапазон – от 46 до 37 в. до н.э., а три – от 41 до 39 в. до н.э., и все даты включают 39 в. до н.э. (рис. 3).

Нельзя не обратить внимание на радиоуглеродные даты, полученные для поселения Новоильинка-III из Северной Кулунды [Кирюшин, 2015]. Этот памятник важен тем, что найдена керамика, отнесенная автором раскопок К.Ю. Кирюшиным [2017, с. 259] к кипринско-пеньковской группе памятников, а также керамика, отражающая признаки смешения разных групп населения, одна из которых, вероятнее всего, была большемысской. Это случай, когда можно проследить процесс взаимодействия двух групп населения по специфическим признакам, проявившимся в технологии изготовления глиняной посуды и орнаментации, не имеющим аналогий на большинстве хронологически близких комплексов. Для керамики кипринско-пеньковской группы населения характерен необычный для алтайских памятников неолита – энеолита орнамент и инструменты для нанесения узора. К необычным культурным традициям относится и добавление пуха птиц в формовочные массы [Кирюшин, Степанова, 2016].

Полученные результаты и их обсуждение

Сосуды с Новоильинки-III с признаками смешения разных групп населения были орнаментированы шаганием гребенчатыми штампами (рис. 5.-5). Подобный способ украшения керамики на территориях, сопредельных с Северной Кулундой, в энеолите

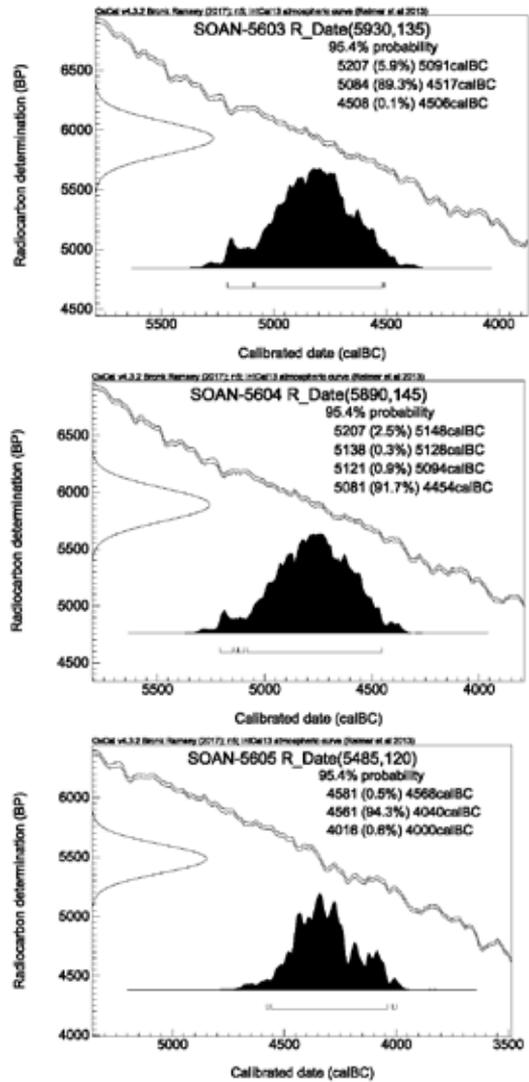

Рис. 2. Радиоуглеродные даты могильника Большой Мыс

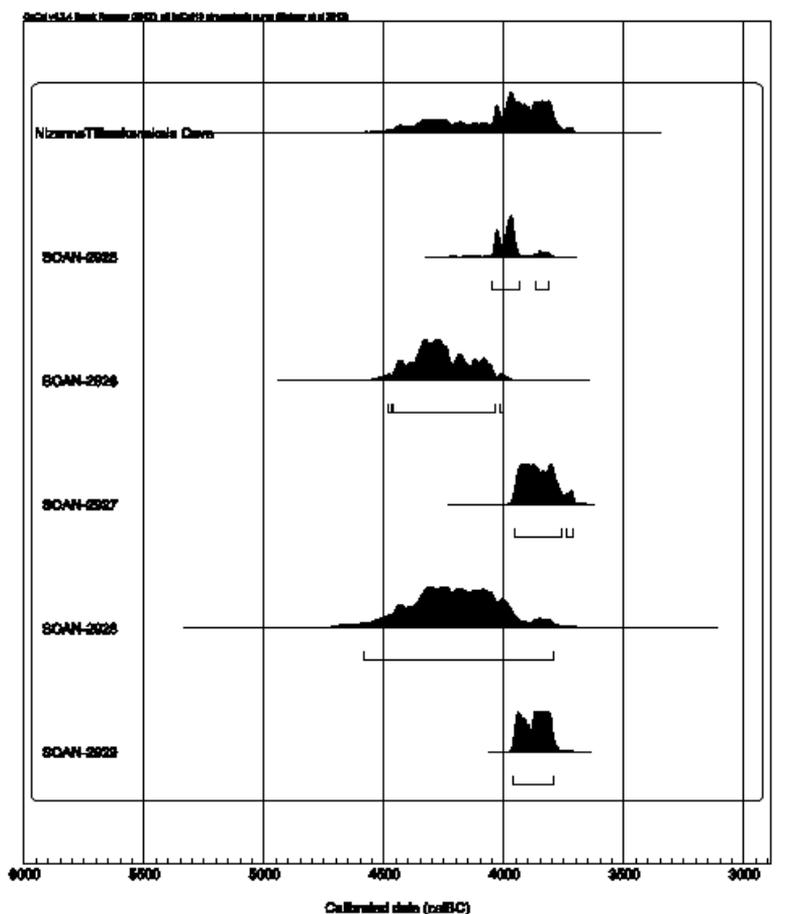

Рис. 3. Радиоуглеродные даты Нижнетыткескенской пещеры-1

и ранней бронзы известен, но не является основным, – на афанасьевских сосудах. Для афанасьевской керамики характерны другие способы украшения, а у орнаментированных обычно более тонкий рабочий край, мелкие близко расположенные зубцы, в целом другое оформление рабочего края [Степанова, 2012]. Кроме того, афанасьевские и новоильинские сосуды различаются формой изделий.

Такие оттиски, как на новоильинских сосудах, встречаются на большемысской керамике (рис. 1). Сопоставимы и формы изделий [Кирюшин, 2002, рис. 2–6; 11–14]. Необходимости в полном сравнительном анализе орнамента кипринско-пеньковской группы керамики и большемысской нет, поскольку различия достаточно очевидны и в дополнительных комментариях не нуждаются [Кирюшин, Степанова, 2016, рис. 2; Кирюшин, 2002, рис. 2.-13]. Отметим только черты, имеющие особое значение. В частности, для большемысской керамики не характерны ямки по краю венчика. Они встречаются крайне редко [Кирюшин, 2002; Абдулганеев, Кунгурова, Кирюшин, 2011]. В данном случае имеет значение то, что на керамике с Новоильинки-III ямки нанесены предметами с повоальным рабочим краем, имеющим специфический изгиб одной из длинных стенок (рис. 5.-1–4). Предположительно это было перо птицы. Похожими

предметами орнамент нанесен и на сосудах, украшенных гребенчатыми штампами, с поселения Новоильинка-III [Кирюшин, 2002; Кирюшин, Степанова, 2016]. Таки-ми же инструментами ямки наносились на керамику с поселения Алексеевка-I и ряд других, датированных неолитом–энеолитом [Кирюшин, Степанова, 2017, рис. 4.-8]. Отметим, что на керамике с эпохи бронзы и до Средневековья на Алтае подобных отпечатков нет. Обычно с ранней бронзы и позднее использовались инструменты, круглые в сечении, в частности грифельные косточки, палочки и т.д. [Степанова, Казаков, 2019а, б]. Это дает основание считать, что ямки, напоминающие отпечаток пера птицы, характерны для определенного круга памятников, к которому большемысские не относятся. Использование таких предметов для украшения большемысской керамики могло быть заимствованным вследствие контактов населения.

В одном из сосудов с Новоильинки-III, по орнаменту близких к большемысским, зафиксирован пух птиц. Подобная примесь в большемысской керамике не известна [Степанова, 1987; Кирюшин, Абдулганеев, Степанова, 2006]. Такая специфическая добавка прослежена на нескольких памятниках кипринско-пеньковской группы [Рахимжанова, 2018]. Другие памятники, где известно применение помета птиц, в котором присутствует пух, удалены на тысячи километров, например в Восточной Европе на памятниках неолита [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012].

В целом группу керамики, отражающую процесс смешения населения на Новоильинке-III, характеризует орнамент, специфический для кипринско-пеньковской группы, но известный на большемысских сосудах (шагание, выполненное зубчатым штампом; рис. 5.-5). Этот орнамент в сочетании с отпечатками предмета типа пера

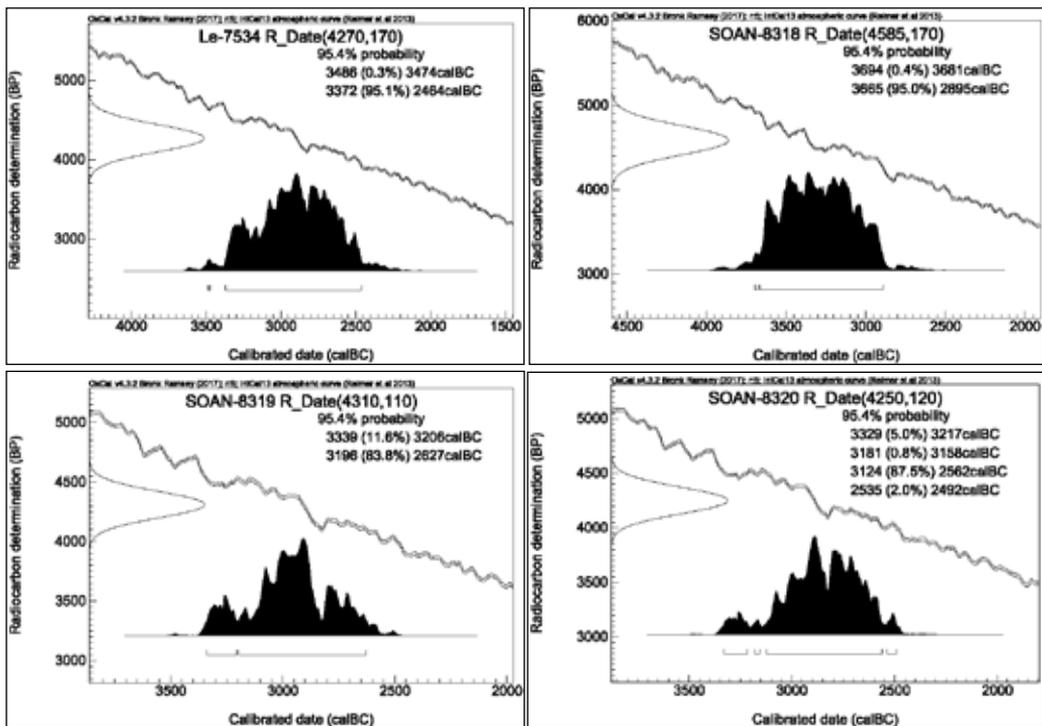

Рис. 4. Радиоуглеродные даты поселения Новоильинка-III

птицы и пуха в формовочной массе позволяет предположить, что «большемысцы» вступали в контакты с местным населением. В данном случае это важно для определения хронологических рамок большемысской культуры. Для Новоильинки-III известно шесть дат, полученных в разных лабораториях, в т.ч. четыре даты, полученных в лабораториях Санкт-Петербурга и Новосибирска: 4270 ± 170 л.н. (Ле-7534), 4585 ± 170 (СОАН-8318), 4310 ± 110 (СОАН-8319), 4250 ± 120 л.н. (СОАН-8320) [Кирюшин, Степанова, 2016]. Калибровка этих дат показала их большой разброс (рис. 4). Однако все они включают 34–29 вв. до н.э. Две даты были получены позднее: это AMS-даты – UCIAMS-199240 4700 ± 15 л.н.; UCIAMS-199241 4665 ± 20 л.н. [Куслий, Кирюшин, Тишкин, Орландо, 2019]. На основании их калибровки авторы определяют датировку памятника серединой – 2-й половиной IV тыс. до н.э. Как видно, между датами имеются различия. Видимо, пока можно говорить о датировке памятника 2-й половиной IV тыс. до н.э., однако не считать ее окончательной.

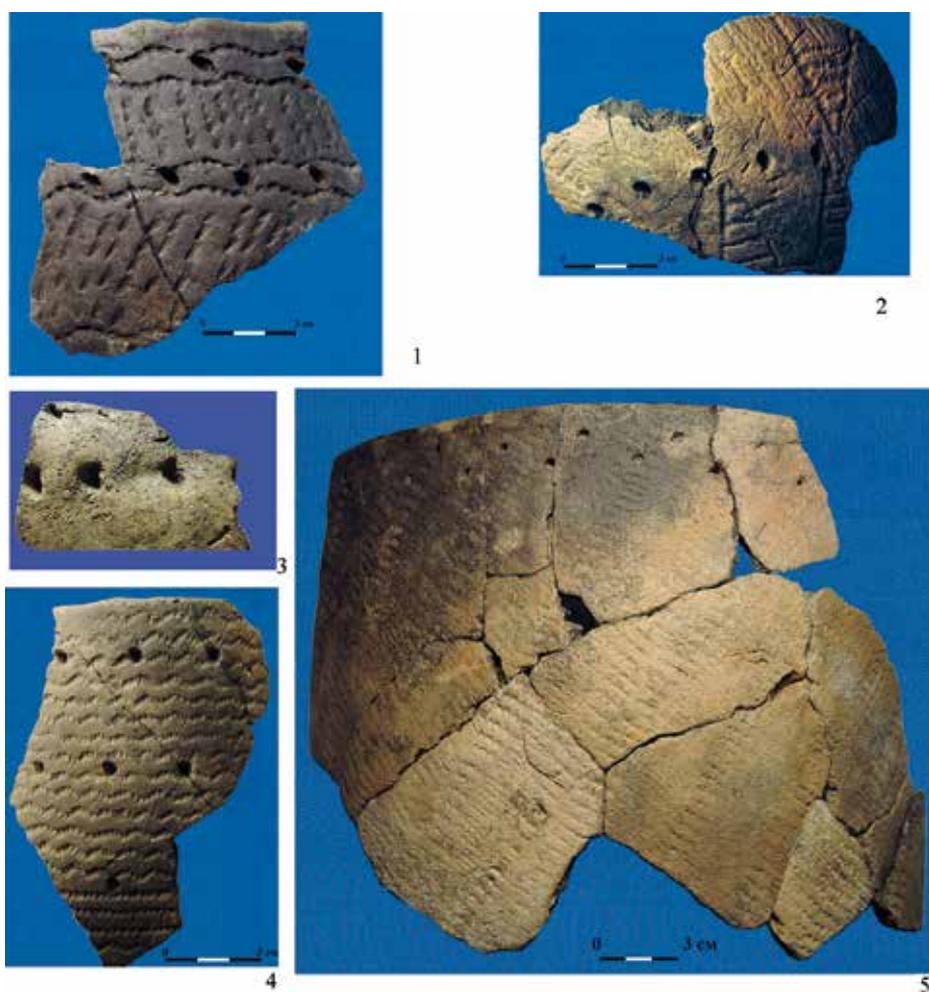

Рис. 5. Керамика с поселения Новоильинка-III: кипринско-пеньковской группы (1–4) и большемысского типа (5) (по: [Кирюшин, Степанова, 2016])

Остается открытым вопрос о контактах большемысского и афанасьевского населения [Кирюшин, 2002, с. 36–37]. Пока достоверных данных о взаимодействии населения этих культур нет. С получением новой серии радиоуглеродных дат хронологические рамки афанасьевской культуры определяются 31–29 вв. до н.э. [Поляков, Святко, Степанова, 2019]. Это указывает на ее значительно более позднюю датировку, чем могильник Большой Мыс, погребение из НТП-1, и, вероятно всего, поселение Новоильинка-III.

Установлено, что большемысское население вступало в контакты не только на территории Северной Кулунды, но и в Горном Алтае. Об этом свидетельствуют также результаты изучения керамики. В частности, искусственно введенная примесь – шерсть животных была выявлена в формовочной массе сосуда с поселения Малый Дуган на Нижней Катунь [Степанова, 1987]. Традиция добавлять шерсть и волос животных известна в неолите и ранней бронзе в Горном и Предгорном Алтае, прослежена на территории Казахстана в период неолита [Степанова, 2008; Шевнина, 2019]. Шерсть животных в формовочных массах выявляется чаще, чем пух, но также относится к специфическим примесям. Возможно, появление новых необычных органических примесей в большемысской керамике связано с ассимиляцией и миграцией населения этой культуры. Имеет значение и то, что новые традиции прослеживаются в пограничных районах распространения большемысских памятников. Нельзя исключить, что появление некоторых навыков в изготовлении керамики связано с контактами с неолитическими племенами.

Заключение

Сравнивая результаты радиоуглеродного датирования, отметим, что даты по материалам памятников, которые принято связывать с большемысской культурой, значительно разнятся (рис. 2.-3). Датировки Нижнетыткескенской пещеры-I и Большого Мыса заметно различаются между собой и не совпадают с датировкой Новоильинки-III. Причин такого несоответствия может быть несколько, в том числе и то, что период существования большемысской культуры был длительным, и эти памятники относятся к разным хронологическим этапам, и то, что погребения и поселения не относятся к одной культуре. В целом, это не противоречит определению нижней границы существования большемысской культуры 2-й половиной IV тыс. до н.э. В настоящее время отвечать на вопрос о причинах различий в датировке Большого Мыса, Нижнетыткескенской пещеры-I и Новоильинки-III преждевременно. Необходимы новые исследования и получение новых радиоуглеродных дат для решения проблемы определения хронологических границ большемысской культуры.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Многослойное поселение Комарово-1 в ретроспективе истории заселения оз. Иткуль. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 142 с.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М. : Наука, 1978. 272 с.
- Кирюшин К.Ю. Культурная принадлежность поселенческих комплексов энеолита Северной Кулунды // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 257–262.
- Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №1 (61). С. 25–36. DOI:10.1016/j.aeae.2015.07.004.

Кирюшин К.Ю., Степанова Н.Ф. Керамика эпохи энеолита с поселения Новоильинка III (Северная Кулунда) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №3 (44). С. 101–110. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.101-110.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 35 с.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследований исходного сырья и формовочных масс керамики большемысской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII, ч. I. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 341–344.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология НТП-I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика неолита – ранней бронзы поселения Алексеевка-I (результаты технико-технологического анализа и изучения орнамента) // Теория и практика археологических исследований. 2017. Вып. 4. С. 29–39. DOI: 10.14258/tpai(2017)4(20).-02/

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул : Изд-во Барн. юрид. ин-та МВД России, 2005. 128 с.

Куслий М.А., Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А., Орландо Л. Молекулярно-генетический анализ костных образцов древних лошадей из памятника ботайского круга Новоильинка-III (Кулундинская степь) // VI международные Фарабиевские чтения. Алматы : Қазақ университеті, 2019. С. 64–65.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2019. С. 181–187.

Рахимжанова С.Ж. Керамические традиции в эпоху энеолита-ранней бронзы на территории степного Обь-Иртышского междуречья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. 25 с.

Степанова Н.Ф. Керамика большемысской культуры поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 113–116.

Степанова Н.Ф. Первые результаты изучения инструментов для нанесения орнамента по их отпечаткам на афанасьевской керамике (по материалам погребальных комплексов из Горного Алтая) // Игорь Геннадьевич Глушков : сб. науч. ст. светлой памяти И.Г. Глушкова посвящается. Ханты-Мансийск : Печатный мир, 2012. Ч. 3. С. 43–50.

Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследований исходного сырья и формовочных масс керамики неолита – бронзы Горного Алтая и его предгорий // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2008. Вып. 7. С. 23–31.

Степанова Н.Ф., Казаков А.А. Об особенностях орнаментации керамики майминской культуры по материалам поселения Майма-1 (предварительные итоги) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. Вып. XXV. С. 253–258.

Степанова Н.Ф., Казаков А.А. Особенности керамического комплекса раннего железного века и раннего средневековья поселения Новозыково-3 из предгорного Алтая (по результатам технико-технологических исследований) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4 (28). С. 69–79. DOI: 10.14258/tpai(2019)4(28).-04

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.

Шевнина И.В. Керамика эпохи неолита Тургайского прогиба : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 33 с.

References

Abdulganeev M.T., Kungurova N.Yu., Kiryushin Yu.F. Mnogoslojnoe poselenie Komarovo-1 v retrospektive istorii zaseleniya oz. Itkul' [Multilayer Settlement Komarovo-1 in a Retrospective of the History of Settlement of the lake Itkul]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2011. 142 p.

- Bobrinskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy [Pottery of Eastern Europe]. M. : Nauka, 1978. 272 p.
- Kiryushin K.Yu. Kul'turnaya prinadlezhnost' poselencheskikh kompleksov ehneolita Severnoj Kulundy [Cultural Affiliation of the Eneolithic Settlement Complexes of Northern Kulunda]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurihe. T. I [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha. Vol. I]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 257–262.
- Kiryushin K.Yu. Morfologo-ornamental'nye gruppy keramiki s poseleniya ehpoi ehneolita Novoil'inka-III v Severnoj Kulunde [Morphological and Ornamental Groups of Ceramics from the Eneolithic Settlement Novoilinka-III in Northern Kulunda]. Arheologiya, ehnotografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2015. №1 (61). Pp. 25–36. DOI:10.1016/j.aeae.2015.07.004.
- Kiryushin K.Yu., Stepanova N.F. Keramika epohi eneolita s poseleniya Novoil'inka-III (Severnaya Kulunda) [Eneolithic Ceramics from the Novoilinka III Settlement (Northern Kulunda)]. [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2016. Vol. 3 (44). Pp. 101–110. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.101-110.
- Kiryushin Yu.F. Ehneolit i rannyya bronza yuga Zapadnoj Sibiri [Eneolithic and Early Bronze Age of the South of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 294 p.
- Kiryushin Yu.F. Ehneolit, rannyya i razvitaya bronza Verkhnego i Srednego Priob'ya : Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Eneolithic, Early and Developed Bronze of the Upper and Middle Ob Region : Synopsis of the Dis. ... Dr. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 1986. 35 p.
- Kiryushin Yu.F., Abdulganeev M.T., Stepanova N.F. Predvaritel'nye itogi issledovanij iskhodnogo syr'ya i formovochnyh mass keramiki bol'shemyskoy kul'tury [Preliminary Results of Research of Raw Materials and Molding Masses of Ceramics of the Bolshemysskaya Culture]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. XII. Ch. I. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. P. 341–344.
- Kiryushin Yu.F., Kungurov A.L., Stepanova N.F. Arheologiya NTP-I [Archeology of NTP-I]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. 150 p.
- Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. Keramika neolita rannej bronzy poseleniya Alekseevka-I (rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza i izucheniya ornamenta) [Ceramics of the Neolithic – Early Bronze Age of the Alekseevka-I Settlement (results of a technical and technological analysis and study of the ornament)]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2017. Issie 4. Pp. 29–39. DOI: 10.14258/tpai(2017)4(20).-02.
- Kungurova N.Yu. Mogil'nik Soloncy-5. Kul'tura pogrebennykh neolita Altaya [The Solontsy-5 Burial Ground. Culture of Buried in the Altai Neolithic]. Barnaul : Izd-vo Barn. yurid. in-ta MVD Rossii, 2005. 128 p.
- Kuslij M.A., Kiryushin K.Yu., Tishkin A.A., Orlando L. Molekulyarno-geneticheskij analiz kostnykh obrazcov drevnih loshadej iz pamyatnika botajskogo kruga Novoil'inka-III (Kulundinskaya step') [Molecular Genetic Analysis of Bone Samples of Ancient Horses from the Site of the Botay Circle Novoilinka-III (Kulundinskaya steppe)]. VI mezhdunarodnye Farabievskie chteniya [VI International Farabi Readings]. Almaty : Kazak universiteti, 2019. Pp. 64–65.
- Polyakov A.V., Svyatko S.V., Stepanova N.F. Problema radiouglerodnoj hronologii afanas'evskoj kul'tury i novye dannye [The Problem of the Radiocarbon Chronology of the Afanasyevo Culture and New Data]. Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoj i lesostepnoj polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodejstviya v V–III tys. do n.e. [Phenomena of the Cultures of the Early Bronze Age of the Steppe and Forest-Steppe Zone of Eurasia: Ways of Cultural Interaction in the 5th – 3rd Millennium BC]. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2019. Pp. 181–187.
- Rahimzhanova S.Zh. Keramicheskie tradicii v epohu eneolita –rannej bronzy na territorii stepnogo Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya : Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Ceramic Traditions in the Eneolithic-Early Bronze Age on the Territory of the Steppe Ob-Irtys Interfluvium: Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Barnaul, 2018. 25 p.
- Stepanova N.F. Keramika bol'shemyskoy kul'tury poseleniya Malyj Dugan [Ceramics of the Bolshemysskaya Culture of the Maly Dugan Settlement]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo

kraya [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. Pp. 113–116.

Stepanova N.F. Pervye rezul'taty izucheniya instrumentov dlya naneseniya ornamenta po ih otpechatkam na afanas'evskoj keramike (po materialam pogrebal'nyh kompleksov iz Gornogo Altaya) [The First Results of Studying Tools for Ornamenting Based on their Imprints on Afanasyevskaya Ceramics (based on materials from burial complexes from Gorny Altai)]. Igor' Gennad'evich Glushkov : sb. nauch. st. svetloj pamyati I.G. Glushkova posvyashchaetsya [Igor Gennadievich Glushkov: Collection of Scientific Articles in Memory of I.G. D. Glushkov]. Hanty-Mansijsk : Pechatnyj mir, 2012. Ch. 3. Pp. 43–50.

Stepanova N.F. Predvaritel'nye itogi issledovaniy ishodnogo syr'ya i formovochnyh mass keramiki neolita – bronzy Gornogo Altaya i ego predgorij [Preliminary Results of Research of Raw Materials and Molding Masses of Neolithic Ceramics – Bronze of the Altai Mountains and the Foothills]. Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri [Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia]. Gorno-Altajsk : AKIN, 2008. Issue 7. Pp. 23–31.

Stepanova N.F., Kazakov A.A. Ob osobennosti ornamentacii keramiki majminskoj kul'tury po materialam poseleniya Majma-1 (predvaritel'nye itogi) [On the Peculiarities of the Ornamentation of the Maima Culture Ceramics Based on the Materials from the Maima-1 Settlement (preliminary results)]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Issue XXV. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. Pp. 253–258.

Stepanova N.F., Kazakov A.A. Osobennosti keramicheskogo kompleksa rannego zheleznogo veka i rannego srednevekov'ya poseleniya Novozykovo-3 iz predgornogo Altaya (po rezul'tatam tehniko-tehnologicheskikh issledovaniy) [Features of the Ceramic Complex of the Early Iron Age and Early Middle Ages from the Novozykovo-3 Settlement in the Altai Foothills (according to the results of technological research)]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]. Barnaul, 2019. №4 (28). Pp. 69–79. DOI: 10.14258/tpai(2019)4(28).-04.

Cetlin Yu.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda [Ancient Pottery. Theory and Methods of the Historical and Cultural Approach]. M. : IA RAN, 2012. 384 p.

Shevnina I.V. Keramika epohi neolita Turgajskogo progiba : Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Ceramics of the Neolithic Era of the Turgai Trough: Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Kemerovo, 2019. 33 p.

N.F. Stepanova

Altai State University, Barnaul, Russia;

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

TO THE ISSUE ABOUT THE DATING OF THE BOLSHEMYSSKAYA CULTURE

The article deals with the problems of the chronology of the Bolshemysskaya culture, which is usually attributed to the Eneolithic era. The sites of this culture have a wide distribution area: the Barnaul-Biysk the Ob region, the Altai Mountains (Middle Katun), the upper reaches of the Alei and Northern Kulunda rivers. However, its chronological boundaries are not clearly defined, which is due to the small number of radiocarbon dates and the lack of reliable data for dating based on relative analogies. Calibration of dates from the burials of the Bolshoi Mys burial ground and Nizhnetytkesken cave-1 showed a significant range between them. An analysis of the ceramic assemblages of the Novoilinka-III settlement from Northern Kulunda revealed signs of interaction between the Cyprinsko-Penkovsky and Bolshemyssky population groups. Contacts can be traced in the ornamentation of ceramics with an object that leaves imprints similar to the ones of bird feathers, and in the addition of bird fluff to the pottery paste. Calibration of radiocarbon dates from Novoilinka-III showed that they all include 34–29 centuries BC. Based on the data obtained, the lower boundary of the Bolshemysskaya culture can be tentatively dated to the second half of the 4th millennium BC.

Key words: Bolshemysskaya culture, Altai, ceramics, ornament, radiocarbon dating